

Глава 19

На следующий день после обеда Цзян Сяои, вернувшись из гор и немного отдохнув дома, отправился на огород и нарвал много овощей.

Семена капусты были посеяны слишком густо, и ростки выросли плотно. Он нарвал две корзины и попросил Цзян Сяосаня отнести немного в дом старшей ветви семьи.

Бай Цзыму видел, как он занят на кухне. Цзян Сяоэр, поиграв с ним немного, тоже пошёл на кухню.

Цзян Сяосань, уходя с корзиной, видимо, из-за неудобства, не закрыл как следует калитку, оставив её приоткрытой.

Бай Цзыму, высунув голову из-за двери кухни и увидев, что два брата, склонившись друг к другу, моют овощи и совсем не обращают на него внимания, тут же, сверкнув глазками, шмыгнул на улицу.

Цзян Сяоэр, вымыв овощи и не увидев Бай Цзыму, обыскал весь дом, но медвежонок нигде не было. Заметив распахнутую калитку, он всё понял и тут же зарыдал.

— Брат, брат, мишка пропал...

На кухне что-то с грохотом упало.

Кажется, перевернулся таз с водой.

— Брат?

Цзян Сяои нахмурился.

— ...Медвежонок пропал?

— Угу, — всхлипывал Цзян Сяоэр.

Цзян Сяои, охваченный паникой, не раздумывая, выбежал на улицу.

Их дом стоял на окраине деревни. Слева, недалеко, был дом семьи Цянь, а справа, через узкую дорогу, раскинулось ровное рисовое поле.

За полем возвышалась Южная гора.

Пробегая мимо дома семьи Цянь, Цзян Сяои вдруг что-то сообразил и, резко остановившись, повернул в сторону Южной горы.

«Этот медвежонок умный. Он точно не побежит в деревню, иначе его поймают, и тогда пиши пропало».

У подножия горы Цзян Сяои наконец увидел Бай Цзыму.

Он облегчённо вздохнул. В тот момент, когда он понял, что Бай Цзыму пропал, его охватили гнев, тревога и паника. Эта паника была необъяснимой.

В голове была пустота, и только одна мысль.

«Нельзя дать ему убежать».

«Ни в коем случае».

Теперь, увидев Бай Цзыму, Цзян Сяои в три шага подскочил к нему и схватил за шкуру.

Бай Цзыму замер.

Он скосил глаза и увидел мрачное лицо Цзян Сяои.

«Всё, конец».

«Мастер, старший брат, я, кажется, скоро к вам присоединюсь».

В глазах Цзян Сяои мелькнуло что-то непонятное. Он, схватив Бай Цзыму, сел на обочину, уложил его к себе на колени и, не говоря ни слова, принялся шлёпать по заднице.

Эта железная ладонь была ужасна.

Бай Цзыму визжал, потом начал извиваться и кататься, но Цзян Сяои наконец сжалился и отпустил его.

— Ещё будешь убегать?

«Не убегать — невозможно».

Как гласит старая поговорка: «Поражение — мать успеха».

Может, в следующий раз получится?

К тому же, если он останется, его честь рано или поздно будет запятнана.

Цзян Сяои, видя, что тот не отвечает, а только вращает маленькими глазками, словно что-то замышляя, снова шлёпнул его от злости.

— Теперь притворяешься, что не понимаешь человеческую речь? Ну ты даёшь! Стоило мне на секунду отвернуться, как ты уже сбежал. Я гнался за тобой почти час, чтобы поймать тебя, мразь. У тебя ноги короче палочек для еды, как ты можешь так быстро бегать? А? Такой ты быстрый, так беги! Я тебе задницу до синяков отобью.

Бай Цзыму молчал.

Задница болела невыносимо. Перед лицом словесных нападков Цзян Сяои он не смел и пикнуть, боясь до смерти, но в душе был недоволен.

«Уже замыслил против меня недоброе, а как разозлится, так сразу — мразь!»

«Точно как те девушки, сегодня — „дорогой“, а завтра — „мерзавец“».

Женщины и гэ'эры — с ними лучше не связываться.

— Ещё будешь убегать? — снова спросил Цзян Сяои, указывая на него пальцем.

Бай Цзыму со слезами на глазах покачал головой.

Пока задница не заживёт, он бегать не будет.

Цзян Сяои умел применять кнут и пряник. Напугав его, он погладил Бай Цзыму по голове и предложил пряник:

— Будешь умницей, я не буду тебя бить и принесу много побегов.

«Как будто я сам не могу их наломать».

Его снова принесли домой. Цзян Сяоэр, готовый вот-вот расплакаться, сидел на пороге, вытянув шею, и смотрел на дорогу. Увидев, как Цзян Сяои несёт его обратно, он тут же расплылся в улыбке.

— Мишка вернулся! Брат, ты молодец!

Бай Цзыму молчал.

«Ещё бы не молодец, у меня теперь задница на размер больше, такая сексуальная».

Цзян Сяои улыбнулся и ничего не сказал. Когда вернулся Цзян Сяосань, он снова наказал ему всегда хорошо закрывать калитку. Цзян Сяосань согласно закивал.

В последующие дни Цзян Сяои по-прежнему был занят работой, уходя рано утром и возвращаясь поздно вечером. Только к середине месяца, накопив достаточно денег, он повёз Цзян Сяоэра в город.

Четырнадцатого числа Цзян Сяоэр был в унынии, весь день ходил вялый. Днём он лежал на кровати с Бай Цзыму, но так и не заснул, был вялым и апатичным. Вечером он съел пару ложек и сказал, что больше не хочет.

Он ненавидел уколы.

И боялся их.

Он не знал, больно ли другим от иглоукалывания, но когда старый лекарь делал ему уколы, было больно.

Всего двенадцать игл. Некоторые в пальцы, некоторые в лоб, в живот и в ступни. Нужно было лежать два часа. Каждые полчаса старый лекарь подкручивал иглы, и в этот момент было невыносимо больно.

Он не хотел идти, даже говорить стал меньше. Когда Цзян Сяои вернулся, он не отходил от него ни на шаг. После ужина он и вовсе прилип к нему.

Когда дети боятся, они инстинктивно ищут родителей. Отец Цзян был рядом, но Цзян Сяоэр всё равно больше доверял Цзян Сяои.

Наверное, потому что Цзян Сяои проводил с ним больше всего времени, и для него он был ближе отца.

Цзян Сяои обнял его. Он долго его утешал, но глаза и нос у мальчика всё равно были красными. Он опустил голову и, сцепив руки, не плакал и не шумел. Отец Цзян, видя его таким, тоже переживал. Он вернулся в свою комнату, достал кошелек, протянул его Цзян Сяои и сказал, что там сорок вэней — его зарплата, и чтобы завтра он купил Цзян Сяоэру пирожок, чтобы утешить его.

Цзян Сяосань, услышав это, засветился от радости. Он сосал палец, и у него потекли слюнки.

Он тоже хотел.

Он никогда не ел мясных пирожков!

Каждый раз, когда Цзян Сяои возил Цзян Сяоэра на уколы, он оставлял Цзян Сяосаня дома под присмотром отца Цзяна. Цзян Сяосань знал, что пирожка ему не достанется, и ему стало немного грустно, но он не стал спорить, а тихонько прижался к спине отца Цзяна и слушал их разговор.

Даже обещание пирожка не обрадовало Цзян Сяоэра. Он по-прежнему выглядел так, будто умирает.

Цзян Сяои осторожно сжал маленькую руку Цзян Сяоэра и, случайно подняв голову, увидел, что дверь в его комнату открыта. Его кровать была прямо напротив двери, и на ней спал медвежонок, раскинув свои короткие лапки.

Цзян Сяои заметил, что этот медвежонок очень любит спать и спит очень много. Если Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань его не трогали, он, кроме как есть бамбук, всё остальное время спал, словно никак не мог выспаться.

Он был даже ленивее, чем свинья, которую держала его двоюродная бабушка.

Цзян Сяои, опустив глаза, подумал и снова принялся утешать Цзян Сяоэра.

— Завтра я возьму с собой Сяосаня и мишку, они пойдут с тобой, хорошо?

Глаза Цзян Сяосаня тут же загорелись, и он весь оживился.

— Младший брат и мишка пойдут со мной?

Глаза Цзян Сяосаня тоже округлились, он с надеждой посмотрел на Цзян Сяои.

В детстве Цзян Сяои и отец Цзян брали его с собой в город, но позже, когда он научился

ходить, Цзян Сяои перестал его брать, боясь, что не уследит и потеряет.

Цзян Сяосань слышал от Цзян Сяоэра рассказы о городе, знал, что там много людей и много вкусного.

Все деревенские дети бывали на ярмарке, только он нет. Когда он слушал их хвастовство, ему было так завидно.

Он тоже хотел хоть раз побывать в городе.

Цзян Сяосань выскочил из-за спины отца Цзяна, прижался к спине Цзян Сяои, обнял его за шею, прижался головой к его шее и, моргая глазками, спросил тоненьким голоском:

— Брат, ты и Сяосаня с мишкой с собой возьмёшь?

— Угу! — улыбнулся Цзян Сяои. — Возьму вас, чтобы вы поддержали твоего второго брата. Так что, Сяоэр, не бойся, хорошо?

— Хорошо, Сяоэр не боится.

Цзян Сяоэр тут же обрадовался.

Казалось, будто если Цзян Сяосань и Бай Цзыму пойдут с ним, ему не придётся делать уколы. Он улыбался так, что его глаза превратились в щёлочки, и был на седьмом небе от счастья.

Отец Цзян, видя это, втайне вздохнул с облегчением.

«Всё-таки мой гэ'эр умеет утешать детей».

Работа у семьи Ли закончилась. Раз уж завтра Цзян Сяосань тоже едет, ему не нужно оставаться дома. Можно пойти в горы нарубить дров.

На следующий день, ещё до рассвета, он вместе с Цзян Сяои, окутанные утренним туманом, нарвали корзину овощей.

После уколов Цзян Сяоэру не нужен был присмотр. В лечебнице была кровать, ему нужно было просто лежать и не двигаться. Цзян Сяои обычно оставался с ним полчаса, а в остальное время шёл на Западную улицу продавать овощи.

Цзян Сяосань от волнения не спал всю ночь и утром встал сам.

Он оделся, набрал в кухне воды, умылся, а потом пошёл к калитке и послушно сел ждать Цзян Сяои.

Цзян Сяои разогрел немного вчерашних овощей, по-быстрому поел и повёл его в путь.

У Цзян Сяосаня были силы. Цзян Сяои дал ему небольшую корзину, положил туда Бай Цзыму, а сам нёс овощи и Цзян Сяоэра на руках.

Цзян Сяоэр не выспался прошлой ночью и сейчас спал.

Отец Цзян проводил их до окраины деревни и с тревогой напутствовал:

— Присматривай за Сяосанем, не давай ему убежать.

Не успел Цзян Сяои ответить, как Цзян Сяосань гордо заявил:

— За Сяосанем не надо присматривать, Сяосань самый умный, он не будет убежать. Отец, не беспокойся зря.

Видя его нетерпение, отец Цзян с улыбкой шлёпнул его.

— Идите, идите, и помни, слушайся своего старшего брата.

Небо было ещё тёмным. Учитывая, что Цзян Сяосань был ещё ребёнком, с короткими ножками и медленно ходил, Цзян Сяои пришлось выйти пораньше.

К тому времени, как они прошли полпути, небо начало светлеть. Бай Цзыму, хоть и выглядел пухлым и упитанным, на самом деле был лёгким из-за густой шерсти. Со всеми потрохами он весил не больше десяти цзиней, но для Цзян Сяосаня это было тяжело. Он запыхался, на лбу выступил пот, но он не смел жаловаться на усталость, боясь, что в следующий раз Цзян Сяои его не возьмёт.

Цзян Сяои знал, что он устал, и уже собирался отвести его на обочину отдохнуть, как сзади послышался скрип колёс.

Сегодня был рыночный день.

Цзян Сяои обернулся и увидел, что староста деревни едет на телеге с волом. По обеим сторонам телеги сидели люди, а середина была завалена вещами.

Староста, увидев, что он уже прошёл полпути, понял, что Цзян Сяои, должно быть, вышел

затемно. Он поздоровался и, заметив Цзян Сяосаня, улыбнулся.

— О, Сяосань сегодня тоже на ярмарку!

— Здравствуйте, дедушка староста! — радостно ответил Цзян Сяосань, его личико покраснелось, а глаза блестели. — Сегодня брат ведёт меня посмотреть, как второму брату делают уколы.

— Тогда в городе не убегай, — сказал староста. Он был старше и дружил с дедом Цзяна. Если бы в телеге были свободные места, он бы обязательно подвёз Цзян Сяои. Сейчас же он, глядя на Цзян Сяои, добавил: — В городе сейчас беспокойно, в отличие от нашей деревни. Эти похитители детей охотятся именно за малышами, будь осторожнее.

В городе было многолюдно, и легко было растеряться. Однажды в деревне была новая невестка, которая пошла на ярмарку с сыном. Увидев у старушки красивые заколки, она засмотрелась и не заметила, как её сын ушёл за продавцом танхулу.

Его так и не нашли.

Цзян Сяои раньше именно из-за этого боялся брать с собой Цзян Сяосаня. Но теперь Цзян Сяосань подрос и стал послушным, так что он не беспокоился.

— Я знаю, — кивнул он.

— Тогда я поехал, все спешат! — В телеге сидели в основном женщины и фуланы, которые везли в город товары на продажу. Староста боялся, что если они опоздают, то не займут хорошие места, и это будет для них убыточно.

Цзян Сяои одной рукой держал Цзян Сяосаня и отошёл в сторону. Два брата, сгибаясь под тяжестью своих нош, смотрели, как телега со скрипом проезжает мимо. В глазах Цзян Сяои мелькнули тоска и зависть.

Каждый раз, когда мимо проезжала телега с волом, он не мог не посмотреть — это была его многолетняя мечта. Он мечтал купить вола. Каждый раз, когда он, таща вязанки дров, шёл в город, устав до невозможности, или когда, возвращаясь с Цзян Сяоэром из города, из-за медленного шага попадал под дождь и промокал до нитки, дрожая от холода, желание иметь вола становилось особенно сильным. Но он знал о положении своей семьи. Вол стоил десять лянов серебра — сумма, о которой он не мог и мечтать.

Старуха Сунь, заметив его тоскливый взгляд, рассмеялась.

— Над чем смеёшься, невестка?

— Да так, ни над чем. Просто думаю, что у некоторых людей судьба тоньше бумаги, а сердце выше неба.

Цзян Сяои и его братья остались позади, постепенно превращаясь в маленькие точки. Видя, что старуха Сунь всё ещё смотрит в их сторону, все поняли, о ком она говорит.

— Почему ты так говоришь? Что не так с Цзян Сяои?

Все любили посплетничать. Сейчас они все разом уставились на старуху Сунь. Та кашлянула и нарочито сказала:

— А вы разве не знаете?

<http://bllate.org/book/13701/1585113>